

обосновывавшего несостоятельность теорий чистых рас, какой бы то ни было особой немецкой или английской крови, писал: «В наше время чистота крови сохраняется только на конских заводах, выводящих ‘чистокровных’ жеребцов, да в хлевах йоркширских свиней... В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен...» [Сорокин 1992: 245]. И добавлял, ссылаясь на Ж. Фино, что, например, кровь французской нации составлена «из крови аквитанцев, силуров, иберийцев, басков, васконов, светов, либийцев, сардонов, битуринов, вандалов, венедов, гельветов, поляков, вендов, кимвров, вестготов, алеманов, франков, евреев, сарацинов, этрусков, белгов, пеласгов, аваров и т.д.» [там же]. От многих из этих этнических групп, не без оснований констатировал Сорокин, сохранились лишь исторические названия.

Пушкин и Лермонтов, Беринг и Беллинсгаузен, Пастернак и Левитан, Багратион и многие другие – русские, но не у каждого из них в жилах текла «русская кровь». Впрочем, предками Рюриковичей, которых вряд ли у кого повернется язык обвинить в нерусскости, были этнические норманны, в крови Романовых к 300-летию династии сохранилось совсем немного «чисто русской крови», а у Екатерины Великой ее не было ни капли.

Любой национализм, основанный исключительно на этнизме, рассматриваемом в качестве главного критерия национальной идентичности, деструктивен с точки зрения жизнеспособности, единства и перспектив российской государственности. Такая версия национализма противоречит самой сути русской идеи, в инфраструктуре которой центральное место занимает мысль об объединении в органическое целое на началах интеграции разных народов, культур, традиций. Для России по определению подходит политико-гражданский тип нации, который имеет то преимущество, что для жизнеспособности и эффективного функционирования современного общества требуются единые для всех граждан нормативно-правовые принципы, единство экономического,